

Семейное преданіе.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ лѣта отъ Рождества Христова 1651 „Тишайшій“ Царь Алексѣй Михайловичъ находился въ ежегодномъ „Звенигородскомъ походѣ“, т.-е., по просту говоря, охотился со своими приближенными въ окрестностяхъ Звенигорода и возвышающагося на холмѣ надъ нимъ Саввина-Сторожевскаго монастыря.

Въ одно прекрасное, весеннее, утро Царь отправился пѣшкомъ одинъ гулять въ лѣсъ; вдругъ видитъ—навстрѣчу ему идетъ громадный медвѣдь. Не робокъ былъ Царь и хватился за оружіе—анъ оружія нѣтъ. Обомлѣвъ тутъ „Тишайшій“: тропинка узкая, кусты густые, сойти въ сторону некуда, а звѣрь идетъ прямо на него... оставалось благочестивому Царю лишь одно: сотворивъ молитву, предаться волѣ Божіей. Перекрестился онъ; вдругъ, глядь, рядомъ съ нимъ появился инокъ, всталъ передъ нимъ, а медвѣдь, увидя его, повернулъ обратно и скрылся въ густой чащѣ лѣса.

Снявъ Царь шапку, сотворилъ крестное знаменіе, мысленно возблагодаривъ Господа за спасеніе свое отъ опасности, и спросилъ потомъ инока, какъ его звать и откуда онъ пришелъ? „Зовутъ меня Саввой, отвѣчалъ инокъ, а монастырь тутъ рядомъ“. Пошли тогда Царь съ инокомъ къ монастырю, только, по дорогѣ инокъ, незамѣтно для Государя, вдругъ исчезъ.

Придя въ монастырь, Алексѣй Михайловичъ сталъ спрашивать, гдѣ инокъ ихъ, по имени Савва? Но оказалось, что инока съ такимъ именемъ нѣтъ во всемъ монастырѣ. Приказалъ Государь позвать всю братію... но и среди нея не было царскаго спасителя. Задумался тогда Царь... и пошелъ въ храмъ Божій отслужить благодарственный молебенъ Господу за избавленіе свое отъ опасности. Входить въ церковь и видитъ среди иконъ

на икопостасѣ изображеніе спасаго его инока: „Чей это образъ“? спросилъ Царь — „Св. Саввы, покровителя обители нашей“, отвѣчали иноки. Понялъ тогда Государь, кто былъ его чудесный спаситель, и съ тѣхъ поръ всегда—особенно благодѣтельствовалъ и покровительствовалъ Звенигородскому Саввину-Сторожевскому монастырю.

Такъ рассказываетъ старинное монастырское преданіе, поэтически рассказанное Меемъ въ звучныхъ стихахъ ¹⁾.

Прошло съ тѣхъ поръ 160 лѣтъ. Настала тяжелая для Россіи година нашествія дванадцати языковъ, началась „Отечественная война“. Прогремѣлъ Бородинскій бой, запылала Москва, потянулись во всѣ концы матушки Россіи обозы спасавшихся отъ француза жителей Бѣлокаменной.

31 августа 1812 года къ высокимъ, усиленнымъ башнями, зубчатымъ стѣнамъ Саввина-Сторожевскаго монастыря, расположеннаго на высокомъ берегу Москвы-рѣки, послѣ небольшой перестрѣлки съ казаками, подошелъ отрядъ непріятельскихъ войскъ: то былъ авангардъ 4-го корпуса „великой арміи“, состоявшаго подъ начальствомъ вице-короля Итальянскаго, принца Евгенія Богарне, пасынка и пріемнаго сына Наполеона.

Послѣ Бородинскаго сраженія, 4-й корпусъ, простоявъ 28 и 29 августа въ Рузѣ, которую авангардъ его и мародеры, встрѣтивъ сопротивленіе жителей, жестоко разграбили, выступилъ оттуда 30-го, слѣдуя къ Звенигороду по большой дорогѣ вдоль лѣваго берега рѣки Москвы, продолжая, какъ и до Бородина, составлять лѣвую изъ трехъ колоннъ „великой арміи“.

Отъ Рузы до Звенигорода болѣе 40 верстъ разстоянія; слѣдовательно, штабъ корпуса съ принцемъ Евгениемъ, двигаясь не спѣша, прошли этотъ путь, въ два перехода, и между Рузою и Звенигородомъ вице-король несомнѣнно долженъ былъ имѣть гдѣ-нибудь ночлегъ; гдѣ *точно*—къ сожалѣнію, намъ установить не удалось.

Мы знаемъ только, что 29 августа онъ еще былъ въ Рузѣ, гдѣ была дневка, и оттуда сохранились письма къ его женѣ, а 31-го онъ ночевалъ въ Саввиномъ монастырѣ; слѣдовательно, ночь съ 30 на 31-е августа онъ провелъ гдѣ-нибудь между этими двумя пунктами, и, вѣроятно, на бивакѣ. Преданіе, по крайней мѣрѣ, упоминаетъ, что все послѣдующее случилось „въ палаткѣ“.

¹⁾ Баллада эта приведена въ роскошномъ трудѣ Кутепова „Царская охота на Руси“.

Занимаясь вечеромъ въ ней, гласить оно, принцъ вдругъ видитъ, какъ приподнимается пологъ палаточной двери и входитъ почтенный на видъ старецъ въ монашеской одеждѣ, съ длинной сѣдой, какъ лунь, бородой. На вопросъ удивленнаго принца, что ему нужно, старецъ отвѣтилъ: „Прими мѣры, чтобы охранять мой монастырь отъ разграбленія, и тогда ты будешь однимъ изъ немногихъ, которые возвратятся на родину свою здоровыми и невредимыми, а потомки твои будутъ служить въ Россіи“. Сказавъ это, старецъ исчезъ.

Опомнившись отъ удивленія, принцъ сталъ протирать себѣ глаза, думая, что заснулъ, и все это было сномъ; потомъ вышелъ изъ палатки и строго спросилъ часового, стоявшаго у дверей его, почему онъ впускаетъ безъ доклада постороннихъ лицъ? Солдатъ безсмысленно глядѣлъ на своего начальника и отвѣтилъ, что онъ никого не пропускалъ, да никто и не подходилъ къ палаткѣ, и даже угроза посадить его подъ арестъ, если онъ не сознается и не скажетъ правды, не могла заставить его измѣнить свое показаніе. Задумался тогда принцъ, и рѣшивъ, что все это сонъ и никому не сказавъ о причинѣ своего гнѣва на часового, пошелъ въ свою палатку и крѣпко, мирно заснулъ.

На утро слѣдующаго дня авангардъ корпуса, съ адъютантомъ принца—Лабомомъ (Labaume) во главѣ, подступилъ къ Сторожевскому монастырю и, войдя въ него, засталъ тамъ, кромѣ инока, открывшаго ворота, еще только 4 старцевъ, молившихся въ церкви у раки святителя и почившихъ настоятелей монастыря. На требованіе незваныхъ гостей открыть свои тайники и дать продовольствіе, старцы отвѣчали, что сами они бѣдны, ѣдятъ такую пищу, которую и солдаты французскіе, вѣроятно, отказались бы получать, сокровищъ у нихъ никакихъ нѣтъ, кромѣ ихъ церкви и гробницы ихъ святыхъ, и молили оставить имъ эти святыни, что и было имъ обѣщано. Въ это время прибылъ и самъ принцъ Евгеній со своимъ штабомъ. (Labaume, Campagne de Russie. Livre V, page 156) ¹⁾.

Войдя въ церковь (или по другому варианту, идя къ ней по коридору), принцъ остановился, пораженный, передъ изображеніемъ старца съ длинной бѣлой бородой, въ которомъ узналъ своего ночного посѣтителя! На вопросъ его, черезъ

¹⁾ Преданіе, къ сожалѣнію, не говоритъ, на какомъ языкѣ объяснились принцъ и старецъ, по извѣстному вѣдъ, что и во снѣ мы никогда не отдаемъ себѣ отчета, какія были сказаны слова, хотя смыслъ ихъ намъ всегда остается вполнѣ памятнымъ и понятнымъ.

переводчика: „чей это портретъ“, старцы отвѣтили, что это—образъ и изображеніе покровителя монастыря св. Саввы, бывшаго нѣкогда инокомъ ихъ обители.

Удивился тогда князь, и вспомнивъ вѣщія слова, тотчасъ же велѣлъ приставить къ воротамъ монастырскимъ часовыхъ и никого, кромѣ чиновъ штаба, туда не пускать, и принять строгія мѣры для наблюденія за тѣмъ, чтобъ не было никакого грабежа, обидъ и утѣсненій обители.

А на слѣдующее утро, привѣтливо простившись съ монахами и оставивъ караулъ для охраны ихъ монастыря, онъ двинулся въ дальнѣйшій путь къ Бѣлокаменной. И, пока, вѣроятно, эта мѣстность входила въ районъ его корпуса, караулъ оставался тамъ и охранялъ монастырь. Такимъ образомъ, пожеланіе ночного посѣтителя было исполнено. Такъ говоритъ преданіе.

А вотъ, что добавляетъ въ лицѣ Лабома исторія. Одинъ изъ схимниковъ, оказавшійся живущимъ въ убогой землянкѣ, ободренный любезнымъ обращеніемъ Лабома, сознался ему, что говоритъ по-французски и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. При этомъ, спрошенный посѣтителемъ схимникъ сказалъ слѣдующее:

„Французы въ громаднѣхъ силахъ пришли въ русскія владѣнія, пришли раззорять нашу родину и уже подошли къ святому нашему городу, сердцу государства и источнику нашего благосостоянія; но они не знаютъ нашего характера и думаютъ, что мы склонимъ шею подъ ярмо и что, поставленные въ необходимость выбирать между нашими домами и нашей свободой, мы, какъ уже другіе народы, предпочтемъ влечь оковы, отказавшись отъ нашей народной гордости, составляющей силу всякаго народа. Но нѣтъ, Наполеонъ ошибается: мы слишкомъ просвѣщенны, чтобы ненавидѣть его тиранство, и не достаточно развращены, чтобы предпочесть рабство свободѣ. Напрасно онъ надѣется понудить насъ силою своихъ несмѣтныхъ армій заключить миръ; и тутъ онъ ошибается: народъ нашъ кочевой, и сильныя царства нашего, имѣя возможность переселять цѣлыя народности, прикажутъ своимъ крестьянамъ бѣжать въ пустыни и дебри, чтобы избѣжать нашествія и даже, если нужно, уничтожать города и села, скорѣе, чѣмъ отдать ихъ истинному варвару, власть котораго намъ ненавистнѣе самой смерти.

„Мы знаемъ также, продолжалъ онъ, что Наполеонъ очень сильно рассчитываетъ на прежнія препирательства между мо-

нархомъ и дворянствомъ; но любовь къ родинѣ заглушаетъ всѣ прежнія несогласія: онъ еще надѣется вооружить народъ противъ дворянъ: тщетныя старанія! Народъ, по вѣрѣ своей, долженъ подчиняться господамъ своимъ и не повѣритъ обманчивымъ обѣщаніямъ того, кто жжетъ его избы, убиваетъ дѣтей, опустошаетъ нивы и оскверняетъ храмы; впрочемъ, не вся ли Европа имѣетъ передъ глазами разительные примѣры его хитрости? Испанія повѣрила въ искренность его союза, и теперь она—одно громадное кладбище! Короновавшій его первосвященникъ, посадившій скромнаго гражданина на первый въ мірѣ тронъ, получилъ ли что въ благодарность за этотъ вѣнецъ? Суровый плѣнь! А ваша родина, которая намъ, иностранцамъ, кажется забывшей породу Св. Людовика, какую награду получила она за свою покорность? Лишь постоянные новые налоги для оплачиванія царедворцевъ, или для удовлетворенія роскоши семейства, жаднаго на удовольствія. Сверхъ того, у Васъ безчисленныя изгнанія, тайныя казни, даже сама мысль ваша окончана; цѣлыя поколѣнія людей поглощены войной, и матерямъ вашимъ, остается, наконецъ, только проклинать свою плодовитость. Вотъ сказалъ мнѣ этотъ почтенный старецъ, положеніе, въ которое поставилъ васъ тиранъ; тиранъ тѣмъ болѣе пустой и противный, что, родившись въ темной средѣ, имѣя едва-ли одного слугу, онъ нынѣ желаетъ покорить подъ свои ноги весь міръ, желаетъ даже королей заставлять ожидать въ своей передней. Ахъ! если бы я не боялся оскорбить величіе нашего монарха, котораго мы любимъ, какъ и онъ насъ, я бы провелъ параллель между вашимъ императоромъ и нашимъ... но такое сравненіе показало бы лишь разительную противоположность и значило бы противопоставлять преступленіе добродѣтели“.

Затѣмъ схимникъ рассказалъ французу про пребываніе Императора Александра Павловича въ Москвѣ, про энтузіазмъ, проявленный дворянствомъ на его призывъ къ защитѣ родины, про письмо митрополита Платона и про священную хоругвь Св. Сергія Радонежскаго, подаренную имъ арміи (ополченію) и проч. Все это глубоко поразило Лабому, и онъ „проникся уваженіемъ къ націи, проявляющей въ несчастіи столько величія, и самъ себѣ говорилъ: непобѣдимъ тотъ народъ, который, оставаясь твердымъ въ своей нравственности, не падаетъ духомъ при видѣ опасности, и въ сохраненіи своей вѣры и обычаевъ видитъ собственное свое спасеніе“.

„На слѣдующее утро, очень рано, мы покинули этотъ монастырь. Удаляясь, я оглянулся назадъ и увидѣлъ, какъ первые

лучи восходящаго солнца освѣтили верхушки этихъ высокихъ стѣвъ, долженствовавшихъ ограждать миръ и тишину, и которыя вмѣсто этого, послѣ отъѣзда нашего, подверглись ужасному грабежу ¹⁾).

Такъ совпадаютъ въ этомъ случаѣ преданіе и исторія въ отношеніи наружныхъ фактовъ. Остальное извѣстно: принцъ Евгенийъ, дѣйствительно, одинъ изъ немногихъ благополучно возвратился во Францію изъ гибельнаго похода, перенесъ всѣ ужасы отступленія, и первая часть предсказанія таинственнаго старца, такимъ образомъ, оправдалась.

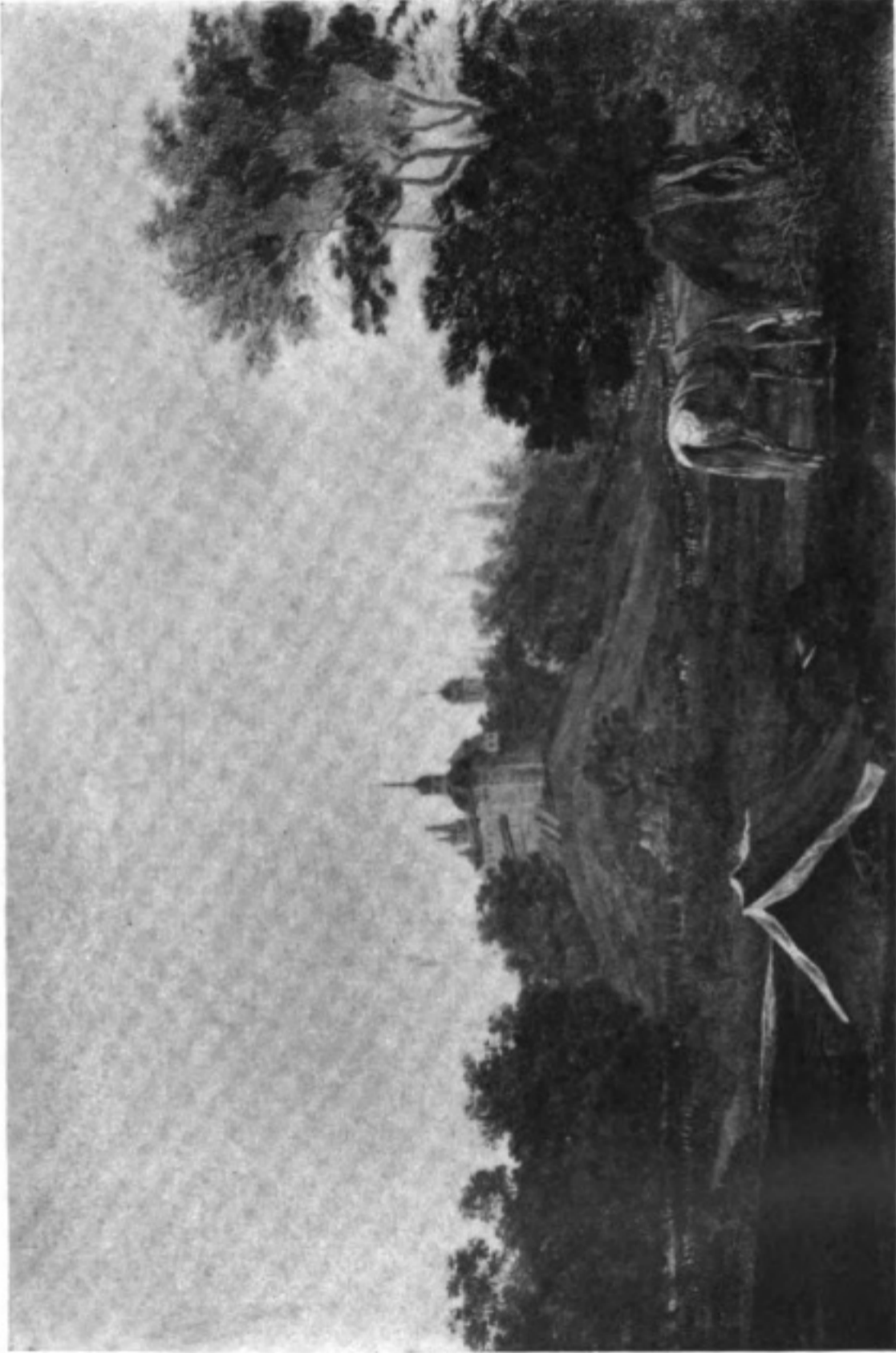
Что касается второй части, то, казалось бы, по обстоятельствамъ того времени и при тогдашней политической обстановкѣ, она имѣла весьма мало шансовъ оправдаться. Но случилось иначе.

Послѣ отреченія Наполеона въ Фонтенбло въ мартѣ 1814 года, принцъ Евгенийъ, сдавъ, на основаніи мирнаго договора съ союзниками, Италію австрійцамъ, прибылъ, уже какъ частное лицо, въ Парижъ и Малмезонъ, и здѣсь, у изголовія смертельно заболѣвшей матери своей, впервые встрѣтился съ Императоромъ Александромъ I-мъ, которому очень понравился.

Ихъ притягивали другъ къ другу взаимныя симпатіи и онѣ еще болѣе усилились во время Вѣнскаго конгресса, на которомъ Александръ Павловичъ не только поддерживалъ интересы принца и его семейства передъ нерасположеннымъ къ нимъ конгрессомъ, но и тѣсно съ нимъ подружился: ежедневно можно было видѣть обоихъ друзей гуляющими пѣшкомъ въ статскомъ платьѣ по улицамъ Вѣны, или катающимися верхомъ въ Пратеръ и проч. Благодаря дружбѣ Александра, судьба принца Евгенія на конгрессѣ устроилась, и онъ получилъ признаніе права на какое-нибудь княжество, въ возмѣщеніе потерянной для него Италіи. Тогда его тесть, король Баварскій, предложилъ ему во владѣніе, за предоставленную ему конгрессомъ сумму, княжество Эйхштедтское въ Баваріи, съ титуломъ „герцога Лейхтенбергскаго“ и прочими прерогативами.

Герцогъ Евгенийъ Лейхтенбергскій, поселившись въ Баварію, не вмѣшивался болѣе въ политику, и только при проѣздахъ Императора Александра I-го черезъ Германію иногда видался съ нимъ. Въ 1823 году принцъ всѣми оплакиваемый скончался въ Мюнхенѣ, и его царственный другъ прислалъ вдовѣ

¹⁾ Labaume, page 170.



Савинъ, сторожевскій, монастырь. (Рисунокъ Адама, сдѣланъ съ натуры въ день пребыванія
въ монастырѣ вице-короля Итальянскаго, Принца Евгенія Богарне.

его прочувствованное письмо, весьма лестное для памяти покойнаго.

Въ другомъ мѣстѣ миѣ, можетъ-быть, придется выяснить отношенія между Александромъ и Евгеніемъ, а теперь остается сказать слѣдующее:

Старшій сынъ послѣдняго, герцогъ Августъ Лейхтенбергскій, пробывъ 5 мѣсяцевъ въ супружествѣ съ королевой португальской донной Маріей да-Глорія, скоропостижно скончался отъ крупозной ангины, и единственнымъ представителемъ герцоговъ Лейхтенбергскихъ оказался его братъ герцогъ Максимилианъ ¹⁾.

Этотъ-то герцогъ Максимилианъ, вступивъ въ бракъ съ дочерью Императора Николая Павловича, великой княжной Маріей Николаевной, по желанію своего царственнаго тестя переселился въ Россію, будучи причисленъ къ Императорскому Россійскому дому. Послѣ кончины герцога Максимилиана княжество Эйхштедтское, по желанію Николая Павловича, было продано баварскому правительству и внуки принца Евгенія стали чисто русскими, будучи всѣ уже православными. Такъ исполнилось вѣщее пророчество Св. Саввы.

Я не знаю, не помню, отъ кого я впервые въ дѣтствѣ слышалъ это преданіе, но знаю, что и у другихъ членовъ семьи нашей оно сохранилось, въ общихъ чертахъ, именно, въ приведенной выше формѣ. Говорятъ, оно до настоящаго времени сохранилось и въ преданіяхъ Саввина-Сторожевскаго монастыря.

Страннымъ можетъ показаться лишь то, что ни самъ принцъ Евгенийъ въ своихъ письмахъ, ни лица его свиты въ своихъ воспоминаніяхъ не упоминаютъ объ этомъ эпизодѣ, о которомъ говорить, кажется, только одинъ французъ, баронъ де-Бай въ одномъ изъ своихъ современныхъ намъ сочиненій.

Не нашелъ я ни слова объ этомъ и въ большой перепискѣ жены принца Евгенія принцессы Августы-Амалии, женщины въ высокой степени вѣрующей, и которая, какъ таковая, надо думать, не преминула бы записать такой странный случай, развѣ, что, будучи ревностной католичкой, находила неумѣстнымъ вспоминать о *православномъ* святомъ.

Самъ принцъ Евгенийъ, какъ большинство французовъ вре-

¹⁾ У нихъ было еще 4 сестры.

мень революціи и первой Имперіи, едва-ли былъ глубоко-вѣрующимъ человѣкомъ. Молчаніе его остается, слѣдовательно, объяснить тѣмъ, что повѣрить видѣнію ему было слишкомъ трудно, а съ другой стороны, реальность его была, вѣроятно, настолько велика и настолько подтвердилась видѣнной въ монастырѣ иконой, что и совершенно отрицать его онъ не былъ въ силахъ и, поэтому, ограничился тѣмъ, что разсказалъ, можетъ-быть, про этотъ случай только своимъ родственникамъ, дѣтямъ и, можетъ-быть, лицамъ свиты, не желая подавать виду, что придаетъ, или дѣйствительно не придавая ему особеннаго значенія. И только сыну его, и въ особенности внукамъ и правнукамъ, пришлось неоднократно вспоминать о необъяснимомъ видѣніи, столь странно оправдавшемся.

Герцогъ Г. Лейхтенбергскій.

